

MASS EFFECT

ВОЗМЕЗДИЕ

ДРЮ КАРПИШИН

Перевод:
www.bioware.ru

ПРОПОГ

Призрак сидел в своем кресле, устремив взгляд в огромный иллюминатор, занимавший целую стену в его личном кабинете.

Безымянная станция, которую он сделал своей базой, находилась на орбите красного гиганта М-класса. Полукруглый край пылающего солнца закрывал всю нижнюю часть иллюминатора, подавляя, но не полностью заглушая своим свечением рассыпанные позади него звезды.

Эта звезда перешла на последний этап своего жизненного цикла длиной в шесть миллиардов лет. Грандиозным финальным аккордом ее существования станет коллапс и возникновение на ее месте черной дыры, которая поглотит всю систему. Планеты и спутники, которые звезда породила в момент своего возникновения, будут сожраны неотвратимой гравитационной силой темной, бездонной пасти, оставшейся от погибшего светила.

Эта сцена воплощала собой образ галактики с точки зрения Призрака: прекрасная, величественная и

смертельно опасная. Жизнь могла возникнуть в самых маловероятных местах и в самых невероятных формах только лишь для того, чтобы исчезнуть в мгновение космического ока.

Он не собирался допустить, чтобы нечто подобное произошло с человечеством.

— Закрыть иллюминатор, — произнес он, и стена стала непрозрачной, оставив его одного в большой, слабо освещенной комнате. — Включить освещение, — сказал он, и с потолка брызнул поток света.

Он развернул кресло, оказавшись спиной к иллюминатору, лицом к круглой голографической площадке в центре комнаты, использовавшейся для приема вызовов. Во время работы эта площадка проецировала трехмерное изображение собеседника, создавая почти полную иллюзию присутствия.

Говорящие с ним, конечно же, также могли видеть его. Именно поэтому площадка располагалась так, чтобы давать изображение кресла на фоне иллюминатора. Когда иллюминатор работал, Призрак представлял перед собеседником на фоне того астрономического чуда, вокруг которого станция пролетала в данный момент — это был грандиозный и впечатляющий визуальный фон, призванный подчеркнуть тот образ, который он столь тщательно создавал все эти годы.

Ему захотелось выпить. Но не того синтетического инопланетного пойла, которое бармены по всей галактике подсовывали ничего не подозревающим людям. Он хотел чего-то настоящего. Чего-то чистого.

— Бурбон, — громко произнес Призрак. — Не разбавленный.

Через несколько секунд на противоположном конце комнаты отворилась дверь, и одна из его помощниц — высокая роскошная брюнетка — появилась на пороге с пустым стаканом в одной руке и бутылкой в другой. Каблуки остро процокали по мраморному полу кабинета, и ее длинные ноги, несмотря на обтягивающую их черную узкую юбку, в несколько шагов преодолели расстояние комнаты.

Она не улыбнулась и не произнесла ни слова, передавая ему бокал, ее поведение было чисто профессиональным. Затем она поднесла ему бутылку, чтобы он убедился в качестве виски.

«"Джим Бим Блэк", — гласила этикетка, — безупречная очистка из Кентукки».

— На три пальца, — велел ей Призрак в качестве одобрения.

Помощница наполнила бокал чуть выше середины и замерла в ожидании.

Как и всегда, первый глоток унес его к легким временам его молодости. В те дни он был обычным человеком, типичным представителем земной аристократии — богатым, спокойным, наивным.

Он смаковал вкус, ощущая приступ тоски по тем давно ушедшим безмятежным дням — до того, как он основал «Цербер», до того, как стал Призраком, самопровозглашенным защитником человечества, до того, как Альянс и их инопланетные союзники из Совета Цитадели заклеямили его и его последователей террористами.

До того, как появились Жнецы.

Из всех врагов в известной части галактики и за ее пределами, из всех опасностей, что когда-нибудь приведут к уничтожению человечества, ни одна не могла сравниться с той угрозой, что таилась где-то в пустоте темного пространства за краем галактики. Это были Жнецы — огромные разумные боевые корабли, безжалостные машины, полностью лишённые сострадания и эмоций. На протяжении десятков тысяч лет — а может и дольше — они наблюдали, как космические цивилизации развивались и эволюционировали, выжидая идеального момента, чтобы прийти и уничтожить всю органическую жизнь в галактике.

Тем не менее, несмотря на ужасную угрозу, которую они представляли, большинство людей ничего не знали о Жнецах. Совет засекретил все официальные доклады о нападении Жнецов на Цитадель, скрывая улики и отрицая правду в стремлении избежать распространения паники по всей галактике. И, конечно же, Альянс, как верная собачонка своих новых инопланетных хозяев, пошел у них на поводу без малейших возражений.

Ложь проникла столь глубоко, что даже те, кто помогал скрывать правду, были убеждены, что Жнецы это всего лишь миф. Они продолжали жить своей повседневной жизнью, слишком слабые и слишком глупые, чтобы разглядеть ужасную судьбу, ожидающую их.

Но Призрак посвятил всю свою жизнь встречам лицом к лицу с неприятными истинами.

Когда Альянс отвернулся от проблемы исчезновения человеческих колоний в Граничных Системах,

«Цербер» взял на себя его обязанности. Им удалось даже привлечь в свои ряды командера Шепарда, величайшего героя Альянса, для помощи в расследовании этой загадки. И то, что выяснил Шепард, потрясло Призрака до глубины души.

Призрак отпустил помощницу легким кивком головы. Женщина изящно повернулась на каблуках и оставила его наедине со своими мыслями.

Сделав еще один глоток, Призрак поставил стакан на подлокотник кресла. Затем он сунул руку во внутренний нагрудный карман пиджака и вытащил тонкий, продолговатый серебряный футляр.

С бессознательным изяществом, выработанным за долгие годы, он открыл крышку, вытащил сигарету и закрыл футляр одним, казалось, непрерывным движением. Футляр исчез в кармане пиджака, а на его месте в руке Призрака появилась тяжелая черная зажигалка. Быстрое движение большого пальца, короткая затяжка сигаретой, и зажигалка исчезла вслед за футляром.

Призрак сделал долгий, медленный вдох, позволяя дыму заполнить легкие. Табак был частью земной культуры на протяжении столетий, а курение — обычным ритуалом почти всех развитых народов на земле. Забавно, что эта вездесущая привычка последовала за человечеством и в космос. Разнообразные сорта табака стали важным предметом экспорта для ряда колоний — человеческих и не только.

Находились даже те, кто имел наглость утверждать, будто некоторые из видов генетически выведенных саларианцами листьев превосходили все, что когда-либо выращивало человечество. Призрак, одна-

ко, предпочитал табак — равно как и виски — только домашнего производства. Эта конкретная сигарета была сделана из урожая, собранного на обширных полях центральных районов Южной Америки — одного из немногих действующих сельскохозяйственных регионов Земли.

Традиционные опасности для здоровья, связанные с курением, более не являлись проблемой для людей XXII столетия — достижения в химии и медицине искоренили такие болезни как эмфизема и рак. И все же, до сих пор еще оставались те, кто питал глубокую ненависть к этой скромной привычке. Древние законы перекочевали в середину XXII века, и запрет на курение табака все еще действовал на некоторых отдельных национальных территориях Земли. Многие смотрели на сигареты, как на нравственно недопустимую вещь: символ бессердечных и неразборчивых корпораций, губивших миллионы жизней в погоне за личной выгодой.

Но для Призрака курение олицетворяло собой нечто совершенно иное. Вкус, обвивающий язык и спускающийся по горлу, щекотание дыма, разливающегося по легким, и теплая волна никотина, распространяющаяся по телу, приносили с собой одновременно и успокоение от любимого процесса, и удовлетворение физического желания — два неотъемлемых элемента состояния человека. Курение нужно было прославлять, как ритуал... особенно теперь, когда само существование человечества поставлено под угрозу.

«Кури, если есть что, — думал он, вспоминая строчку из давно забытой книги, — потому что никому из нас не суждено увидеть завтра».

Призрак затянулся еще несколько раз и раздавил сигарету о дно пепельницы, встроенной в подлокотник кресла, а затем сделал очередной глоток.

Сколь бы жуткими не казались перспективы, он не собирался впадать в меланхолическое отчаяние. Он был человеком, привыкшим встречать проблемы лицом к лицу, и эта не была исключением.

Коммандер Шепард выяснил, что колонистов похищали Коллекционеры — затворническая инопланетная раса, которая, без сомнения, исполняла волю Жнецов. Хотя и пребывая в заточении в темном пространстве, эти огромные разумные корабли каким-то образом могли управлять своими несчастными слугами даже с расстояния в миллионы световых лет.

Действуя по воле механических хозяев, Коллекционеры собирали людей, отправляя их на свою родную базу в центре галактики. Там похищенных ждала новая цель — трансформации, мутации и, наконец, превращение в органическую слизь, как часть жуткого эксперимента по созданию нового Жнеца.

Шепард — с помощью «Цербера» — остановил деятельность Коллекционеров. Но Призрак знал, что Жнецы так просто не сдадутся. Человечеству нужно было лучше понять своего безжалостного и беспощадного врага, чтобы подготовиться к неизбежному возвращению Жнецов. Им предстояло изучить их сильные и слабые стороны, выявить и использовать в своих интересах их уязвимые места.

«Цербер» собрал основные части технологии, оставшиеся от базы Коллекционеров. Уже начались работы по созданию комплекса, где будут проводиться первые осторожные, контролируемые испытания этой странной чужеземной технологии. Однако, в конечном счете, был лишь один способ заполучить нужное им знание — рано или поздно им придется возобновить эксперименты Коллекционеров на живых людях.

Призрак полностью осознавал всю бесчеловечность своего плана. Однако этика и мораль должны быть отброшены в сторону, когда речь идет о выживании всего вида. Вместо миллионов похищенных колонистов, они тщательно отберут небольшое количество подопытных. Страдания нескольких жертв были необходимы ради защиты и сохранения всей человеческой расы.

План по возобновлению экспериментов Коллекционеров будет осуществляться в тайне, без посвящения в него Шепарда или его привлечения. Союз «Цербера» и самого прославленного героя человечества был, по меньшей мере, непростым — ни та, ни другая сторона до конца не доверяли друг другу. Возможно, в будущем им еще предстоит поработать вместе, но сейчас Призрак желал действовать только через своих собственных первоклассных агентов.

Мягкий звонок, раздавшийся сверху, означал входящее сообщение от одного из таких оперативников.

— Включить иллюминатор, — скомандовал Призрак, выпрямляясь в кресле и переводя взгляд на голографическую площадку.

Освещение погасло автоматически, как только стена позади него стала вновь прозрачной. Умиравшее солнце у него за спиной осветило комнату оранжево-красным сиянием.

— Принять, — проговорил Призрак, и образ Кай Ленга материализовался над площадкой.

Как и большинство людей, он был настоящим «сыном всей Земли» — китайское происхождение ясно прослеживалось в его темных волосах и глазах, но строение челюсти и носа неувлимо намекало на наличие славянских или русских предков.

— Мы нашли его, — доложил Кай Ленг.

Призраку не нужно было спрашивать, о ком именно шла речь. Первоклассный убийца «Цербера», Кай Ленг вот уже почти три года охотился за одной-единственной целью.

— Где? — спросил Призрак.

— На Омеге.

Жгуты мускулов на шее Кай Ленга на мгновение напряглись от отвращения, когда он произнес это название — это была целиком непроизвольная, но объяснимая реакция. Эта космическая станция олицетворяла все то, что «Церберы» презирали в культуре инопланетян: беззаконие, варварство и жестокость. От этой рефлекторной реакции голова Кай Ленга повернулась, открыв на миг часть татуировки на задней стороне его шеи — змея, пожирающего собственный хвост.

Уроборос часто использовался как символ вечности, но Призрак знал, что у него есть и более мрачное

значение: уничтожение. Что, по-своему, тоже было вечным процессом.

«Цербер» нашел Кай Ленга около 10 лет назад и освободил его из тюремного лагеря Альянса. Призрак пристально изучил его прошлое, прежде чем взять к себе: этот пехотинец Альянса, прошедший особую подготовку по программе N7, был арестован за то, что в баре на Цитадели убил в драке крогана во время своего временного увольнения.

Альянс сурово обошелся со своим бывшим лейтенантом, сделав его случай примером для остальных. Его лишили звания и приговорили к двадцати годам военной тюрьмы. Длинный список зафиксированных случаев жестокого обращения Кай Ленга с инопланетянами, без сомнения, сыграл свою роль в суровости наказания. Для Призрака же его анти-инопланетные наклонности были доказательством характера. Это, в сочетании с тем фактом, что ему удалось убить крогана, имея при себе один лишь штатный боевой нож, сделало его идеальным кандидатом.

За десятилетие, прошедшее с момента его побега, организованного «Цербером», Кай Ленг стал одним из лучших в организации оперативников, специализирующихся на «мокрых» делах. Но он был не просто безжалостным убийцей. Он понимал необходимость соблюдения осторожности и знал, как планировать и приводить в исполнение сложные и изящные операции.

Теперь, когда он отыскал свою цель, первым побуждением Призрака было отдать приказ на уничтожение. Но затем ему в голову пришла одна идея. Ему

все еще требовались подопытные для грядущих экспериментов — так почему бы не убить двух зайцев одним выстрелом?

— Верни его, — сказал он. — Живого. Но не забудь замести все следы.

— Об этом я никогда не забываю, — ответил Кай Ленг.

Удовлетворенный разговором, Призрак пробормотал «отключить», и голографическая проекция убийцы мигнула и исчезла.

Он откинулся на спинку кресла, рассеяно поболтав содержимое стакана, прежде чем допить остатки одним долгим глотком.

«Долго же я ждал этого дня, Грейсон, — думал он. Его настроение значительно улучшилось, по сравнению с тем, что было всего пару минут назад. — Но не сомневайся, ожидание того стоило».

ГЛАВА 1

Пол Грейсон знал, что Призрак все еще ищет его. Прошло уже почти три года с тех пор, как он предал «Цербер» ради своей дочери, но даже если бы прошло тридцать лет, они не оставили бы охоту за ним, он знал это.

Он сменил имя, конечно же: Пола Грейсона больше не существовало. Теперь его звали Пол Джонсон. Но создание для себя новой личности было лишь первым рубежом обороны — он недолго бы продержался, если бы кто-то из людей Призрака наткнулся на его документы. А люди Призрака были повсюду.

С самого момента своего возникновения, «Цербер» внедрил своих агентов почти во все структуры правительства Альянса. Внутри Пространства Цитадели не было практически ни одного места, где его не смогли бы рано или поздно выследить. Поэтому он бежал на Омегу.

Призрак никогда не пытался создать свой плацдарм на этой гигантской космической станции, де-факто являвшейся столицей Граничных Систем.

«Цербер» был хорошо известен своей радикальной про-человеческой политикой, что делало его агентов чрезвычайно непопулярными среди различных инопланетных военачальников, главарей банд и деспотов, державших в своих руках власть на Омеге. Даже если бы они заподозрили, что Грейсон скрывается здесь, им было бы непросто добраться до него.

Грейсону представлялось некоей иронией то, что навыки, которые он освоил, работая на «Цербер», — навыки шпионажа и убийства — оказались столь полезны для его новой жизни в качестве наемника на Омеге. Его учили убивать инопланетян — теперь же он работал на одного из них.

— Мы впустую тратим время, — проворчал Санак, откладывая в сторону снайперскую винтовку. Он потянул свой боевой скафандр, пытаясь усесться поудобнее за грудой ящиков, которая скрывала его и Грейсона от посторонних глаз.

Грейсон продолжал держать свое оружие наведенным на корабль на противоположной стороне грузового дока. Он очень хорошо знал, сколь осторожно вел себя его напарник батарианец, чтобы не допустить ни малейшего физического контакта с ним, пока изучал обстановку.

— Мы должны ждать доклада Лизелль, — сказал он ровно.

Батарианец повернул голову и взглянул на сидящего на корточках рядом с ним человека всеми своими четырьмя глазами. Он моргнул верхней парой, но нижняя оставалась неподвижной, словно два камня.

— Ты всегда чего-то ждешь, человек, — фыркнул Санак. — Это признак слабости.

— Это признак здравого смысла, — в ответ фыркнул Грейсон. — Именно поэтому я здесь главный.

Санак знал лишь один способ разрешения проблем: бросаться на них очертя голову. Порой это усложняло работу с ним. Его неприязнь к людям вообще — и глубоко укоренившееся недоверие Грейсона к батарианцам — нисколько не упрощали ситуацию.

Две их расы имели сложную историю взаимоотношений. Ворвавшись на галактическую арену, человечество стало стремительно расширять свои границы, выдавливая батарианцев из Скиллианского Предела. Батарианцы ответили насилием, развязав войну между двумя расами — войну, в которой батарианцы потерпели поражение. Они стали изгоями на цивилизованных планетах Пространства Цитадели — редкими гостями, на которых смотрели с подозрением и недоверием.

На улицах Омеги, напротив, их можно было встретить практически на каждом углу. После ухода из «Цербера» Грейсон изо всех сил старался преодолеть ксенофобию, вдолбленную ему Призраком. Но привычка — вторая натура, а бросаться с объятьями к «четырёхглазой угрозе» он вовсе не спешил.

По счастью, им с Санакom вовсе не нужно было нравиться друг другу, чтоб работать вместе. Ария не упускала случая напомнить об этом им обоим.

— Семь целей в общей сложности, — прервал его размышления мягкий голос Лизелль в наушнике. — Всем занять позиции и ждать приказа.

Грейсон ощутил знакомый прилив адреналина, в предвкушении убийства циркулирующий по телу. Он почувствовал, как рядом с ним Санак поднимает свое оружие, нацеливая его на корабль, в зеркальном отражении позы Грейсона.

— Начали, — прошептал Грейсон. Это единственное слово вызвало шквал огня с противоположной стороны склада — в бой вступила Лизелль и ее команда.

Секундой позже четверо турианцев появились в поле зрения с противоположной стороны корабля. Их спины смотрели в сторону Грейсона и Санака, а внимание и оружие были направлены на засаду Лизелль.

Грейсон долгим, медленным выдохом выпустил воздух из легких, нажимая на курок. Один из турианцев упал. Кинетические щиты оказались слишком истощены выстрелами Лизелль, чтобы остановить пулю снайперской винтовки, пробившую затылок его костистого черепа.

Мгновением позже еще двое оказались на земле, благодаря паре идеальных выстрелов Санака. «Мне может не нравиться этот ублюдок, — подумал Грейсон, прицеливаясь в последнего противника, — но он знает свое дело».

Последний турианец успел сделать лишь два шага в сторону укрытия у ближайшего ящика, когда пуля Грейсона пробила его спину между лопатками.

Повисло несколько секунд абсолютной тишины, прежде чем Грейсон произнес в свой микрофон:

— Четыре цели нейтрализовано на нашей стороне.

— Еще трое здесь, — ответила Лизелль. — Это все.

— Пошли, — сказал Грейсон Санаку, выпрыгивая из-за укрытия и устремляясь к убитым инопланетянам.

Турианцы были членами банды «Коготь», а этот склад находился глубоко внутри контролируемой «Когтем» территории. Учитывая ночное время и удаленное расположение, вряд ли кто-то мог слышать выстрелы. Но вероятность этого всегда существовала, и чем дольше они здесь оставались, тем выше становились их шансы столкнуться с подкреплением.

К тому времени, как они с Санаком добрались до тел, Лизелль и двое других батарианцев, которые составляли ее команду, уже обыскивали одежду своих жертв.

— Пять килограммов пока что, — сказала Грейсону синекожая азари, держа в руках несколько пластиковых пакетов, туго набитых тонким розовым порошком. — Девяносто, может, девяностопятипроцентной чистоты.

По собственному опыту Грейсон знал, что требовалась лишь малая щепотка красного песка, чтобы хорошо накачать человека. Пяти килограммов хватило бы на то, чтобы целый жилой комплекс летал в облаках на протяжении большей части года. Такая заначка легко могла принести шестикратный доход, если реализовать ее где-нибудь в Пространстве Цитадели.

Именно поэтому Ария приказала провести это нападение.

На Омеге не было действующих законов, не было полиции. Порядок поддерживался исключительно силами банд, заправлявших на станции. Но, хотя здесь и не было законов, здесь были правила. Первое правило гласило: не переходи дорогу Арии Т'Лоак.

— У этого еще два килограмма, — сказал Санак, вытаскивая плотно перевязанный сверток из кармана жилета одного из убитых, которых он обыскивал.

— Этот попал под перекрестный огонь, — сказал один из батарианцев, держа пакет перед Грейсоном так, чтобы тот мог видеть крупинки песка, сыплющиеся из крошечного отверстия сбоку.

— Заклей его! — зло прорычал Грейсон, быстро отступая назад.

Красный песок не оказывал воздействия на батарианцев или азари, но стоило ему хорошенько вдохнуть порошка, и он был бы под кайфом до утра.

— Арии нужно все до последней крошки, — напомнил он. — Вся поставка. Она отправляет послание.

Известная под именем Королевы Пиратов, Ария де-факто управляла Омегой уже более двух столетий. Всякая другая группировка платила ей дань в той или иной форме за право вести свои дела на станции. Те же, кто пытался обойти Арию — скажем, отказываясь отдать ей долю от контрабанды красного песка, — всегда расплачивались за это.

— Всё, — заявила Лизелль, поднимаясь на ноги после осмотра последнего тела.

Даже несмотря на то, что ум Грейсона был сосредоточен на выполнении задания, он не мог не восхищаться в очередной раз неземной красотой женщины, стоявшей перед ним. Все азари казались людям роскошными: эти однополые существа близко напоминали человеческих женщин, хотя их кожа была преимущественно синего цвета. Волосы им заменяли плотные, изогнутые складки кожи, покрывающие череп, но это обстоятельство мало портило их сексуальную привлекательность.

Лизелль считалась особенно привлекательной даже среди своих соплеменниц, а ее облегающий боевой костюм подчеркивал каждый изгиб тела. Частью разума, все еще удерживавшей привнесенное «Цербером» недоверие к инопланетянам, Грейсон задавался вопросом, что делало ее столь обворожительной — один лишь внешний вид или нечто большее?

Помимо склонности к биотике, азари как вид были известны своими тонкими, но мощными эмпатическими — почти телепатическими — способностями. Некоторые верили, что они использовали эти таланты для воздействия на восприятие других, делая самих себя более привлекательными, чем на самом деле. Если причина и в самом деле заключалась в этом, то Лизелль обладала исключительным мастерством в своем искусстве.

— Упакуйте песок и выдвигаемся, — распорядился Грейсон, возвращая мысли к текущей задаче. — Держитесь ближе, смотрите по сторонам. Помните — мы все еще на вражеской территории.

Следуя его инструкциям, Лизелль, Санак и остальные батарианцы спрятали пакеты и двинулись вслед за ним.

С Грейсоном во главе и Санакком, замыкающим отряд, они вышли из склада и углубились в темные улицы квартала. Двигаясь быстро, они пробирались через перекрученный лабиринт аллей и переулков, стараясь поскорее добраться до дружественной — или, по крайней мере, нейтральной — территории.

Было уже поздно, далеко за полночь по внутреннему времени станции. На улицах встречались лишь отдельные прохожие. Большинство из них были гражданскими, обычные мужчины и женщины разных рас, которые — по какой-то причине — жили или работали в кварталах, контролируемых «Когтем». Таких было легко заметить: увидев тяжеловооруженный отряд, они разворачивались или ныряли во мрак подъездов, желая избежать столкновения.

Грейсон замечал таких людей с первого взгляда и тут же забывал о них. Он высматривал патрули «Когтя». Любая ответная реакция на нападение на склад должна была быть случайной и неорганизованной — «Коготь» никак не мог ожидать, что Ария нанесет по ним удар здесь, в самом центре их территории. Но эта турианская группировка — одна из немногих — регулярно отправляла вооруженные отряды на улицы своих кварталов, как средство напоминания жителям, кто здесь главный. Грейсон знал, что если они, с их обмундированием и оружием, наткнутся на один из таких патрулей, турианцы откроют огонь, не задумываясь, всего лишь потому, что таковы правила.

Но им повезло. Они прошли через территорию «Когтя» и вышли в один из центральных районов Омеги без происшествий. Просто для верности, Грейсон держал строй еще несколько кварталов, настороженно прислушиваясь, не появятся ли звуки погони.

Лишь только когда Лизелль положила руку ему на плечо и сказала: «Думаю, мы в безопасности», он позволил себе расслабиться.

— Ария ждет нас в «Загробной жизни», — подчеркнуто напомнил ему Санак.

Грейсон прекрасно знал, где была их босс. И в этом заключалась проблема — все знали.

«Загробная жизнь» была сердцем социальной жизни Омеги, клубом, где богатые и влиятельные смешивались с обычными жителями станции — все в погоне за чисто жизненными наслаждениями. Завсегдатаи приходили сюда в поисках музыки, секса, наркотиков и даже насилия, и немногие уходили отсюда, не найдя хотя бы малой толики того, что искали.

Ария Т'Лоак была неизменной частью клуба, почти каждую ночь восседающая в своем личном кабинете над пульсирующим хаосом толпы. Ее присутствие отчасти сделало этот клуб тем, чем он был: «Загробная жизнь» олицетворяла Омегу, так же как и сама Ария.

— Мы не пойдем в клуб, нагруженные двадцатью фунтами красного песка, — ответил Грейсон. — Надо спрятать его где-нибудь в надежном месте.

Вряд ли «Коготь» мог организовать ответный удар так быстро, но даже если бы и мог, Грейсон сомневался, что им хватило бы храбрости нанести визит Арии в

ее собственном клубе. Но «Коготь» был не единственной проблемой, которая волновала его.

Охрана пристально следила за всеми внутри клуба, но стрельба, удары ножом и случайные потасовки считались обычным делом на улицах и переулках вокруг. Наркоманы, отчаянно ищущие дозу, или уличные грабители, слишком глупые, чтобы задумываться о далеко идущих последствиях, без колебаний набросились бы на команду Грейсона, если бы посчитали возможную выгоду достаточно высокой. Риск этого был невелик, честно говоря, но Грейсон не хотел идти даже на малейший риск.

— Спрячем песок в моей квартире, — заявил он. — Затем доложим Арии и назначим передачу на завтра.

Губы Санака скривились в возражающей гримасе, но он ничего не сказал. Лизель, напротив, одобряюще кивнула.

— Веди нас, Пол, — проворковала она. — Чем скорее избавимся от этого, тем скорее сможем вернуться к танцам.

Чтобы добраться до квартиры Грейсона, им потребовалось около 15 минут. Несколько раз он проверял, нет ли за ними слежки, и всякий раз не мог не заметить, как Санак закатывает все свои четыре глаза.

«Вот поэтому-то Ария и назначила меня главным, — думал он. — Я беспокоюсь о мелочах».

Это был лишь один из множества ценных уроков, усвоенных им у Призрака.

Его квартира находилась в одном из самых опасных — и самых дорогих — районов Омеги.

Охранники на входе в район — пара тяжеловооруженных турианцев — узнали его и расступились, позволив ему и отряду пройти внутрь.

Добравшись до нужного здания, он ввел код доступа на панели у входной двери, инстинктивно закрывая клавиатуру от Санака и остальных батарианцев. При этом он встал так, что Лизелль прекрасно могла все разглядеть, но он уже сообщил ей код к своему дому несколько месяцев назад.

Дверь отъехала в сторону, открыв небольшой коридор, ведущий к лестничному пролету и единственному лифту.

— Третий этаж, — сказал Грейсон. — Идем по лестнице. Лифт немного медленный.

Они с Лизелль пошли вперед, а Санак с остальными последовали за ними. Наверху был еще один коридор с двумя дверями, по одной с каждой стороны. На каждом этаже этого пятиэтажного здания было всего по две квартиры; это больше всего нравилось Грейсону в этом здании — очень мало соседей, каждый из которых уважает частную жизнь другого.

Он подошел к двери и положил руку на панель посередине. Он почувствовал легкое тепло биометрического сканера, считывающего отпечаток его ладони, затем прозвучал мягкий щелчок, и дверь отъехала в сторону.

Хорошо обставленная квартира, открывшаяся взору, была невелика, но Грейсону не требовалось много пространства. Небольшая прихожая, где гости могли снять обувь и верхнюю одежду, вела в гостиную с одним диваном и видеозэкраном. Маленькое окно вы-

ходило на лежавшую ниже улицу. За гостиной находилась просто обставленная кухня, отделенная от комнаты полустеной. Из кухни небольшой коридор вел к ванной и к спальне в дальнем конце квартиры. Ванная была маленькой, но в спальне хватило места не только для кровати Грейсона, но и для стула, стола и терминала, который он использовал для выхода в экстанет.

— Оставьте пакеты у входной двери, — распорядился Грейсон, не желавший, чтобы батарианцы шатались по его дому. — Я потом придумаю, куда их спрятать.

— Что такое, человек? — прорычал Санак. — Не доверяешь нам?

Грейсон не стал отвечать.

— Ария ждет нашего доклада, — сказал он. — Почему бы тебе с друзьями не заняться этим?

Лизель дождалась, пока батарианцы уйдут, затем подошла и обвила его шею руками, тесно прижавшись к нему. Он почувствовал исходящее от нее тепло, а от тонкого аромата духов, доносившегося от ее шеи, у него пошла кругом голова.

— Ты не пойдешь в клуб? — прошептала она ему в ухо, разочарованно.

Грейсон представил себе, как она похотливо надувает губы в недовольной гримасе, и ощутил внезапный прилив, поднимающийся по шее и заливающий щеки. С Лизель он всегда чувствовал себя совратителем малолетних, несмотря на тот факт, что она была почти на сто лет старше него.

У азари все по-другому, напомнила упорная часть его сознания. Они взрослеют медленнее. Она еще су-

щий младенец, а ты — немало повидавший чудак средних лет. Да у нее наверняка больше общего с твоей дочерью, чем с тобой.

— Я приду, — пообещал Грейсон. Он быстро поцеловал ее, расцепляя руки, обвинившиеся вокруг его шеи, и нежно отстраняясь от нее. — Мне просто нужно сначала кое-что сделать.

Она повернулась, позволив при этом своим пальцам скользнуть по его руке.

— Не задерживайся, — бросила она через плечо, направляясь к двери, — или застанешь меня танцующей с кроганом, если я сильно заскучаю.

Когда дверь закрылась, он сделал долгий, медленный вдох, чтобы очистить голову. Угасающий аромат ее духов заполнял его ноздри, но без самой Лизелль, прижимающейся к нему, этот аромат уже не имел столь непреодолимого эффекта. Возвращайся к делам, донжуан.

Нужно было придумать, где спрятать красный песок. Вряд ли кто-то станет вламываться в его квартиру, но оставлять его на виду было глупо.

Но, прежде всего, он должен был сделать один звонок.